

186. Речь, произнесенная генералом де Голлем на Консультативной ассамблее 21 декабря 1944 г.

Господин министр иностранных дел первым подробно рассказал в прениях, каковы были, с технической точки зрения, все обстоятельства, основные линии франко-советского договора, который мы только что подписали в Москве с Россией.

С другой стороны, дискуссия, которая открылась после заявления г-на министра иностранных дел, позволила уважаемым членам данной Ассамблеи выразить свое мнение по договору, ибо само собой разумеется, что когда две великие державы подписываются под обязательством, возникает множество вопросов.

Что касается меня, то, не желая возвращаться к тому, что было уже сказано – и сказано хорошо – и свидетельствует о действительно полном единодушии во мнении всех членов этой Ассамблеи и, я думаю, всей страны, я хотел бы в столь важном деле высказать в нескольких словах, какой была, есть и будет идея франко-русского альянса, который мы только что заключили.

Договор о союзе и взаимной помощи, который Франция подписала с Советской Россией, отвечает тенденции, ставшей в обеих странах естественной и традиционной после трудностей, испытанных в осуществлении их европейской политики. Он представляет скрепленный печатями акт единения двух великих держав континента, не только в целях ведения войны до полной победы, но и в целях того, чтобы побежденная Германия не была более в состоянии наносить вред. И, наконец, этот договор является знаком того, что Россия и Франция выражают свою волю к тесному сотрудничеству во всех применяемых мерах, обеспечивающих статус завтрашней Европы.

Великий народ, но постоянно тянущийся к войне, потому что мечтает только о господстве, способный ради подавления других совершать сверхъестественные усилия и приносить крайние жертвы, всегда готовый приветствовать и следовать даже в преступлении за теми, кто обещает ему завоевания, – таков немецкий народ. Таков он особенно с того времени, когда прусские амбиции и жесткость были навязаны ему на руинах старой империи Габсбургов и в то же время развитие современной промышленности совпало с его вкусом к сражениям и превратило его целиком в мощное и решительное орудие борьбы. Кроме того, его дарования в области мысли, науки, искусства вместо того, чтобы сделать его более гуманным, напротив, не позволяют возвести их в систему, в соответствии с которой господство немецкого народа становится высшим правом и беспощадным долгом.

Факт в том, что на протяжении восьмидесяти лет стремление Германии к господству, вначале искусно скрытое в формуле единства Рейха, как провозгласил его Бисмарк, затем

расширенное до пангерманизма на лад Вильгельма II, расцветшее наконец в безумных требованиях Гитлера, стало причиной этих больших войн, каждая из которых, как будто по роковой нарастающей, превосходит предыдущую по длительности и размаху.

Находившиеся под этой постоянной угрозой Россия и Франция получили страшные уроки, показавшие им, что, объединяясь, они выигрывают, а разделившись, теряют. В 1870, одни, мы не устояли, но в 1875 дипломатическое вмешательство России заставило Германию отказаться от планов вновь обрушиться на нас. Альянс, заключенный в 1892, смог сдерживать в течение двадцати двух лет устремления в западном направлении и «Дранг нах Остен» пангерманизма. Когда в 1914 Германия и Австро-Венгрия перешли в атаку, русское наступление в Пруссии во многом содействовало восстановлению нашего положения на Марне. После этого одновременные действия на двух фронтах – восточном и западном – изнурили врага, что и позволило Фошу в конце концов одержать победу. Если благодаря событиям 1917 Бетман-Хольвег смог навязать России драконовские условия, то победа Франции во второй битве в итоге заставила Германию отказаться от своих завоеваний.

Как только что очень удачно было сказано, политика уловок и недоверия, проводимая между Парижем и Москвой в период между двумя войнами, и их разобщение в решающий момент стали основой для возвращения вермахта на Рейн, Аншлюсса, порабощения Чехословакии, подавления Польши, тех действий, что стали для Гитлера преддверием вторжения во Францию, за которым год спустя последовало вторжение в Россию.

Также очень точно было продемонстрировано, как усилия русских, заставившие немецкие силы понести невосполнимые потери, стали основным залогом освобождения территории нашей метрополии.

Для Франции и России быть объединенными – значит быть сильными, быть разьединенными – значит находиться в опасности. Действительно, это – непреложное условие с точки зрения географического положения, опыта и здравого смысла.

Эта истина, открывшаяся обоим народам в ходе того, что они пережили, возобладала, и я могу это сказать, во время переговоров в Москве. Оба правительства сделали вывод о необходимости отдельного союза между Россией и Францией, являющегося, по мнению обеих договаривающихся сторон, основным этапом в достижении победы, а завтра и безопасности.

В сегодняшнем мире, где жесткий реализм диктует иногда дискриминационные отношения между народами, договоры заключаются с рациональной точки зрения. Однако в некоторой степени присутствует и чувство симпатии, идущей из глубины веков,

которое, впрочем, в том, что касается традиционных интересов наций, основывается на народном инстинкте.

Если франко-русский союз стал еще раз необходимым для обоих правительств, то это вызвано не только ясным пониманием его полезности, свой вклад внесла и естественная дружба между двумя народами. За прошедшие века накопилось тысячи причин и тысячи свидетельств этой дружбы. И как много новых добавила к ним эта война!

Да, огромные усилия в общей борьбе на полях сражений и в тылу миллионов и миллионов мужчин и женщин Советского Союза, невероятные жертвы, на которые они пошли, умение тех, кто их направляет, и самого выдающегося среди них – маршала Сталина – так глубоко тронули наш народ в его вчерашних невзгодах и сегодняшнем подъеме, что вознесли на самую вершину ту вековую симпатию, что мы, французы, всегда питали к русскому народу.

Пусть все храбрые офицеры и солдаты, защищающие там свою святую землю, все славные рабочие и инженеры, кующие оружие для сражений, все стойкие крестьяне и руководители, без усталости работающие на земле, знают, что их труд, их боль, их доблесть освещают для всего народа Франции тот договор, который мы подписали от его имени!

Две основные державы континента, непосредственно находящиеся под угрозой, идущей из Германии, свободные от всякого столкновения интересов в любой точке мира, объединившиеся на пути их возрождения через те разрушения, которые они испытали, способные благодаря своим армиям выступить вместе в любой момент против агрессора, решили объединиться в соответствии с определенными условиями. Само собой разумеется, что ни одна, ни другая не видят возможности устройства мира и системы безопасности без содействия в рамках договоров тех наций, которые в данной войне, как и они сами, отдали все силы. Основа и условия договоров, которые могут быть заключены Францией с той или иной из этих наций, зависят от того положения, в каком каждая из них находится относительно нас, врага и всего остального мира, положения, которое решительным образом влияет на их возможности действовать. Но я могу официально заявить, что подобные договоры уже сейчас кажутся нам естественными и желательными.

Так, Франция, рядом с которой находилась Великобритания и британские доминионы с первого до последнего дня предыдущего конфликта и в земле которой похоронен миллион их храбрых солдат, Франция, которая вступила в войну в то же время, что и они, которая после всех бед, испытанных вместе на ее земле, смогла увидеть их непоколебимую волю к победе, нашла у них помощь и поддержку для своих первых войск, вводимых в бой, Франция, освобождение которой началось в значительной мере на берегах старой Англии и которая знает первостепенную роль, что сыграли в театрах

боевых действий Африки, Европы и Дальнего Востока британские военно-морской флот, армия, авиация, эта Франция не мыслит завтра ни победы, ни безопасности в том, что касается Германии, без эффективного союза с Лондоном.

Не менее очевидно, что необходимы определенные связи с теми государствами континента, которые были, есть и могут стать жертвами германских амбиций, то есть с Польшей, Чехословакией, Бельгией, Голландией, Люксембургом.

Испытание, пройденное вместе, со всеми полученными уроками и опытом, не должно закончиться без создания общей системы сотрудничества и безопасности, по меньшей мере в стратегическом и экономическом плане.

Подобная система должна, очевидно, включать, и в первых рядах, Соединенные Штаты Америки, решающие усилия которых как на западном фронте Европы, так и в театре боевых действий на Тихом океане прибавили к дружбе в сердцах французов и восхищение и без мощной поддержки которых были бы невозможны сегодняшняя победа и завтрашний прочный мир.

В это общее дело Франция предлагает, в соответствии со своим духом, традициями и способностями, внести свой посильный вклад.

Удовлетворение, которое мы испытываем от благополучного заключения франко-советского договора, и согласие в намерениях Франции и России, которое выявилось в ходе переговоров в Москве, не только не отвернут нас, но, наоборот, заставят повернуться лицом к суровым требованиям сегодняшнего дня.

Конечно, сейчас мы лучше видим, каким мог бы быть результат наших усилий в этой войне. Но эти усилия еще далеки от завершения. Остается победить, и враг доказывает сейчас на полях сражений в Бельгии, Люксембурге и в Эльзасе, что, несмотря на большие потери и долгое отступление, он еще не повержен. Кажется, что тот же ход событий, который понемногу заставил всех признать, что без Франции невозможно урегулировать мировые проблемы, доказывает в то же время, что без нас немислимо и одержать победу, которая позволит это.

Как в том, так и в другом Франция требует признания всей ее ответственности.

Голь Ш. де. Военные мемуары: Спасение 1944–1946. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2004. С. 432–436.